

АНДРЕЙ ТЕСЛЯ*

ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ РОМАНТИЗМА**

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ СЕРГЕЯ ЧЕРНОВА

ЧЕРНОВ С. Л. CASUS Владимира Печерина. — СПб. : Нестор-История, 2016.

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-1-220-226.

Владимир Сергеевич Печерин (1807–1885) — один из известнейших персонажей русской интеллектуальной истории XIX столетия. При этом положение его, при первом же рассмотрении, оказывается весьма специфическим — он известен в первую очередь ровно одним поступком (который в действительности таковым не оказывается): бегством из России и обращением в католического монаха. В числе аналогичных персонажей русской культуры в первую очередь вспоминается Чаадаев — известность Чаадаева и его преимущественное интеллектуальное значение связано не столько с тем, что он имел в виду, что писал и к чему стремился — но к единственному событию, публикации в надеждинском «Телескопе» первого «Философического письма к даме» и последовавшей за этим цепочке происшествий (при этом до сих пор можно спорить, с чем именно приходится иметь дело — с поступком или происшествием, насколько осознавал сам Чаадаев возможные последствия публикации и т. д. (Тесля, 2016)). Образ столь законченный, что Герцен, фактически первый писавший о нем для широкой публики, доводит историю до совершенства, опираясь на расхожие представления и вопреки фактам, приводя его в орден Иисуса (Герцен, 1982) — тогда как в действительности Печерин принимает постриг в монастыре редемптористов.

В этом своем качестве — знакомого, легко опознаваемого культурного образа, иллюстрации в реальности — он и привлекает внимание русской

*Тесля Андрей Александрович, к. филос. н., старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград), mestr81@gmail.com, AnATeslya@kantiana.ru.

** © Тесля, А. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики. Работа была выполнена в рамках гранта РНФ (№ 18–18–00442) «Механизмы смыслообразования и текстализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

образованной публики, от Гершензона, его первого биографа, до современных исследователей. Включаясь в два ряда, один другому не противоречащие, но оттеняющие: во-первых, в число «политических» эмигрантов, во-вторых, в ряд русских католиков.

Трудами С. Л. Чернова опубликован массивный корпус документов, освещающий жизнь и интеллектуальную эволюцию Печерина с начала 1830-х вплоть до середины 1870-х (Печерин, 2011 и Чернов, 2016). Видимо, в столь длительной работе над персонажем заключается и специфика отношения к нему, резко сказывающаяся в последней книге, где вся обширная вступительная статья звучит обвинительным актом Печерину, поставленному в ряд литературных персонажей, квалифицируемых как «лишние люди»: от Онегина и Чацкого до Печорина, Бельтова и Рудина. Печерин в итоге квалифицируется как человек морально несостоятельный, лишенный положительного знания и труда, и попутно зачем-то оправдываются правительственные меры против Печерина, толкуемые как следствие невыполнение им взятого на себя в 1833 г. обязательства отработать двенадцать лет в высших учебных заведениях по завершении заграничной командировки. Не споря об оценках — нам кажется странным само по себе подобное моральное разбирательство, ведь задача в том, чтобы понять реальность прошлого, а логика суда — то, что прочнее всего закрывает возможность понимания.

Ведь сколь бы мы ни были критичны по отношению к Печерину, достаточно вспомнить тех, кто был друзьями и приятелями его молодых лет — многие из их числа в дальнейшем оказались памятными до сих пор деятелями русской общественной и интеллектуальной жизни, от Куторги до Чижова и Никитенко. Дарования Печерина и его способность к профессорскому званию высоко оценивали и гр. С. С. Уваров, и гр. С. Г. Строганов — при этом оба были привязаны к нему и по человечески. Так, дневник Никитенко донес примечательный разговор с Уваровым, запись от 30 декабря 1836 г.:

Был у министра. Он много говорил о Печерине, поступком которого очень огорчен, так как это действительно ставит его в затруднительное положение. Как сказать об этом государю? Кара может пасть сначала на самого министра, потом на все ученое сословие, а наконец, и на систему отправления молодых людей за границу. Ведь у нас довольно одного частного случая, чтобы заподозрить целую систему, и министр боится, чтобы так не было и на этот раз (Никитенко, 1955: 190).

Здесь деловое беспокойство — но именно благодаря Уварову молодой Печерин, на тот момент лишь кандидат университета, оцененный товарищем министра народного просвещения, попадает в число стипендиатов, готовящихся к замещению университетских кафедр, и сверх утвержденного штата отправляется в Берлинский университет. Пребывая в Берлине, Печерин не только не заслуживает никакого выговора за самовольное путешествие по Германии, Швейцарии, Северной Италии, Австрии и Чехии — но даже получает от Уварова, ставшего к тому времени министром, разрешение на второе, теперь уже четырехмесячное, путешествие по Италии — видимо, министр согласится с аргументами, изложенными Печериным в письме к нему:

Ваше Превосходительство! Я хочу видеть древность лицом к лицу, тем более что я предвкусил уже наслаждение такого наглядного познания во время последнего (к сожалению, слишком быстрого) путешествия моего по Северной Италии: несколько часов, проведенных на стенах Веронского амфитеатра, под теплым итальянским небом, среди шумной толпы новых потомков римлян, были для меня наставительнее фолиантов Thensaurus Gronovius.

Рим сделался моею единственною и неразлучною мыслью, и это не будет гипербола, если я скажу, что видеть Рим для меня такая же потребность, как и дышать свежим воздухом (Чернов, 2016: 193).

Попечитель Московского учебного округа гр. С. Г. Строганов уже 16 января 1837 г. будет писать Печерину в Лугано, извещая о предоставлении ему из собственных средств 1.000 франков для возвращения:

Я совершенно не знаю, какие особые причины мешают вам вернуться в Москву; но поскольку может статься, что затруднения, связанные с выходом из ложного положения, задерживают вас, я прошу вас со всей искренностью, присущей порядочному человеку в подобных обстоятельствах, обращаться непосредственно ко мне и излагать мне ваше положение. Будьте уверены, что я сделаю все зависящее от меня, чтобы помочь вам выйти из затруднительного положения и вернуть вас к литературной карьере, в коей вы можете принести существенную пользу. Прошлое будет забыто и все будет прощено... (там же: 272–273).

Но гораздо важнее, на наш взгляд, то обстоятельство, что некоторые из дружб, завязавшихся у Печерина в конце 1820-х — самом начале 1830-х гг., пережили десятилетия: с Никитенко Печерин будет приятельски переписываться вновь с 60-х гг. вплоть до кончины первого; а Ф. В. Чижов не только выручит его деньгами в первый тяжелый год после побега из России, но и затем, в заграничных поездках 1-й

половины 1840-х, будет неизменно встречаться с ним, уже сделавшимся монахом, беседовать и с годами приходиться к понимаю (отнюдь не тождественного принятию) сделанного им выбора, а затем, уже в 1870-е, станет причиной появления «Замогильных записок».

Романтический образ Печерина, закрепившийся в русской культуре, примечательным образом совершенно естественен, адекватен самому персонажу. Он — человек романтической эпохи, осмысляющий себя в этих категориях, чтобы затем проделать столь же характерный путь от Шиллера к Жорж Санд, а с годами отдаться «практическому», «здравому смыслу», увлекаться естественными науками как дающими не натурфилософский, а трезвый ответ о природе реальности. Этот путь так или иначе проделают вместе с ним многие — достаточно вспомнить Герцена и проделанную им эволюцию с 1830-х к 1860-м гг.

В самом известном стихотворении Печерина («Как сладостно отчизну ненавидеть...») говорится:

Любить? — любить умеет всякий нищий,
А ненависть — сердец могучих пища!

О том же он писал в исповедальном письме гр. С. Г. Строганову из Лугано, 23 марта 1837 г., описывая свои московские ощущения:

Я погрузился в мое отчаяние, я замкнулся в одиночество моей души, я избрал себе подругу столь же мрачную, столь же суровую, как я сам... Этою подругою была *ненависть!* Да, я поклялся в ненависти вечной, непримиримой ко всему, меня окружавшему! Я лелеял это чувство, как любимую супругу. Я жил один с моею ненавистью, как живут с обожаемою женщиною. Ненависть — это был мой насущный хлеб, это был божественный нектар, коим я ежеминутно упивался. Когда я выходил из моего одиночества, чтобы явиться в этом ненавистном свете, я всегда показывал ему лицо спокойное и веселое; я даже достаивал его улыбки [...] Ах! я походил на того лакедемонского ребенка, который не изменился в лице в то время, как когти зверя, скрытого под его одеянием, терзали его внутренность ...

Всякий вечер звезда, гораздо более блестящая, чем все прочие, останавливалась перед моим окном, насупротив моей кровати, и лучи ее ласкали мое лицо. Я вскоре догадался, что эта та самая звезда, под которой я родился. Она была прекрасна, эта звезда! Ее блеск манил меня, призывал меня ей подчиниться.

В одну из тех торжественных ночей я услышал голос моего Бога, тот строгий грозный голос, который потряс все струны моего сердца. Этот голос прокричал мне: «Что ты тут делаешь? Здесь — нет будущности! Встань! Покинь страну твоих отцов! Возьми мое святое знамя! Возьми мой тяжкий крест

и неси его, если нужно, до Голгофы! Ты даешь, но имя твое будет записано в книге живот между именами величайших мучеников человечества!» Я услышал этот голос и решил (Чернов, 2016: 279).

Здесь набор характерных черт и примечательного языка того времени — начиная с поэтизации «ненависти», как достояния лишь «сердец могучих», в чем можно легко увидеть не только расхожий романтизм байроновского типа (и что будет звучать в местном изводе наиболее литературно у Лермонтова, которого Печерин прочитает лишь в 1877 г. и который тогда совсем не придется ему по вкусу (Печерин, 2011: 88, 527), но скорее даже шиллеровскую поэтику ранней драматургии («Разбойники»), так и сочетание личного избранничества, уверенности в своей исключительности (что и дает право на поступок, и одновременно требует его, как подтверждение истинности) с «моим Богом», специфической религиозности 1820–30-х гг., на смену чему придет, с одной стороны, гораздо более дисциплинарное конфессиональное христианство, а с другой — атеизм 1840-х гг. Это черты, характерные для данного поколения — общие для людей, имеющих весьма разный опыт взросления и круга общения. Так, например, биографы Иосифа Виельгорского, соученика цесаревича Александра Николаевича, замечают по поводу устройства внутреннего мира двадцатилетнего человека и его отношений с матерью:

Характерная для «человека тридцатых годов» неуверенность, рожденная ощущением зыбкости и бесконечной изменчивости бытия, не позволяла ему найти успокоение в готовых рецептах; он впадал в смятение и отчаяние там, где его матери все казалось простым и понятным (Лямина, Самовер, 1999: 185)¹.

В свою очередь ситуация представлялась вполне прозрачной старшему поколению и в случае Печерина. Так, гр. С. С. Уваров извещал российского посла во Франции гр. П. И. Медема в письме от 10 (22). VII. 1837:

Все побуждает к вере в то, что этот несчастный молодой человек является жертвой одной из своих навязчивых политических идей, наполовину литературных, которые часто являются в наше время (Печерин, 2011: 292).

¹Характерно, что для петрашевца А. И. Пальма, напротив, «люди 40-х годов» будут представляться определенными, живущими в рамках расчерченных границ — т.е. пользующихся категориями, в которые он и его современники не будут способны поместить себя — и в этом отвержении, теперь уже романтических категорий, будут видеть свою исключительность (Альминский [Пальм], 1872: 163).

Фундаментальная ценность публикации С. Л. Чернова — возможность увидеть одного из самых известных «людей 30-х годов» до того, как он совершит поступок, сделавший Печерина человеком историческим — увидеть в многообразии отображений, от частных писем и дневниковых записей до официальных делопроизводств, университетского, министерского, III отделения. Разумеется, то, каким предстает Печерин в свете этих бумаг — радикально отличается от расхожего образа, но напомним, что сам образ фактически мало связан с реальностью Печерина, он складывается из нескольких фактов: побег, монашество, священник в Ирландии — связи между которыми выстраиваются повествователями самостоятельно, отражая расхожий набор представлений и ожиданий. Тот образ реальности, который складывается из документов, существенно иной — и вместе с тем не менее характерный, одного из людей 1830-х, человека эпохи романтизма — парадоксальным образом реализующим в своей жизни то, к чему стремился — исключительности, вхождения в историю — и при этом разочарованного в результате, что, впрочем, чаще всего и случается.

ЛИТЕРАТУРА

- Альминский, П. [Пальм, А. И].* Алексей Слободин : Семейная история. Часть вторая // Вестник Европы. — 1872. — Т. 6, № 11. — С. 98–185.
- Герцен А. И.* Былое и думы. В 3 т. Т. 2 / под ред. С. Д. Гуревича. — М. : Художественная литература, 1982.
- Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* «Бедный Жозеф» : Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: Опыт биографии человека 1830-х годов. — М. : Языки русской культуры, 1999.
- Никитенко А. В.* Дневник. В 3 т. Т. 1. 1826–1857 / под ред. И. Я. Айзенштока. — М., Л. : Гослитиздат, 1955.
- Печерин В. С.* Apologia pro vita mea : Жизнь и приключения русского католика, рассказанные им самим / под ред. С. Л. Чернова. — СПб. : Нестор-История, 2011.
- Тесля А. А.* Неизменность Чаадаева // Социологическое обозрение. — 2016. — Т. 15, № 3. — С. 173–196.
- Чернов С. Л.* Casus Владимира Печерина. — СПб. : Нестор-История, 2016.

Teslya, A. A. 2020. “Chelovek epokhi romantizma [The Man of Romantic Age]: retsenziya na knigu Sergeya Chernova [A Review of Sergey Chernov’s Book]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* IV (1), 220–226.

ANDREY TESLYA

PHD IN PHILOSOPHY, SENIOR RESEARCH FELLOW, SCIENTIFIC DIRECTOR RESEARCH CENTER FOR RUSSIAN THOUGHT, INSTITUTE FOR HUMANITIES, IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY, KALININGRAD

THE MAN OF ROMANTIC AGE A REVIEW OF SERGEY CHERNOV’S BOOK

CHERNOV, S. L. 2016. *CASUS VLADIMIRA PECHERINA [CASUS OF VLADIMIR PECHERIN]* [IN RUSSIAN]. SANKT-PETERBURG [SAINT PETERSBURG]: NESTOR-ISTORIYA

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-1-220-226.

REFERENCES

- Al'minskiy, P. [Pal'm, A. I]. 1872. “Aleksy Slobodin [Alexey Slobodin]: Semeynaya istoriya. Chast' vtoraya [Family History. Part Two]” [in Russian]. *Vestnik Yevropy [Bulletin Of Europe]* 6 (11): 98–185.
- Chernov, S. L. 2016. *Casus Vladimira Pecherina [Casus Of Vladimir Pecherin]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nestor-Istoriya.
- Gertsen, A. I. 1982. [in Russian]. Vol. 2 of *Byloye i dumy [My Past and Thoughts]*, ed. by S. D. Gurevich. 3 vols. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.
- Lyamina, Ye. E., and N. V. Samover. 1999. “Bednyy Zhozef” [“Poor Joseph”]: *Zhizn' i smert' Iosifa V'ysel'gorskogo: Opyt biografii cheloveka 1830-kh godov [The Life and Death of Joseph Vielgorsky: The Experience of a Biography of a Man in the 1830s]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Yazyki russkoy kul'tury.
- Nikitenko, A. V. *1826–1857 [1826–1857]* [in Russian]. Vol. 1 of *Dnevnik [Diary]*, ed. by I. Ya. Ayzenshtok. 3 vols. Moskva [Moscow] and Leningrad: Goslitizdat.
- Pecherin, V. S. 2011. *Apologia pro vita mea [Apologia pro vita mea]: Zhizn' i prikl'yucheniya russkogo katolika, rasskazannyye im samim [The Life and Adventures of a Russian Catholic, Told by Himself]* [in Russian]. Ed. by S. L. Chernov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nestor-Istoriya.
- Teslya, A. A. 2016. “Neizmennost' Chaadayeva [The Immutability Of Chaadaev]” [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye [Sociological Review]* 15 (3): 173–196.